

— Всё готово, Цзэсинь, сейчас же передам приказ.

Такие дела всегда сказываются на клане, и раз уж речь зашла, глава клана не стал отказываться.

Дела в клане вершились быстро, и к полудню все слухи о Чжун Синь в деревне Хэвань были подавлены. Конечно, лишь на поверхности: в публичных местах об этом говорить не принято, но кто запретит людям пересуживать в частных разговорах?

Хотя в деревне Хэвань всё утихло, другие селения не сразу обрели прежнее спокойствие. Кто-то ездил в гости, кто-то навещал родных, и любители сплетен всегда могли повернуть разговор на эту тему. К счастью, позже никто не стал раздувать скандал, и слухи постепенно затихли в узких кругах.

Если говорить о том, кому эта история нанесла наибольший урон, то первой пострадала Чжун Синь, затем семья Чжун, а семья Чэнь тоже пострадала, пусть и не так сильно.

Поездка госпожи Мин оказалась не напрасной. Изначально семья Чэнь согласилась неохотно, но услышав слухи о Чжун Синь, намеревалась отказаться. Госпожа Мин как раз вовремя успела помешать свахе прийти с повторным визитом.

Строго говоря, первые слухи ещё имели долю правды, но позже полностью исказились. Семья Чэнь рассудила так: Чжун Синь не принесёт пользы родной семье, но для мужа может и сгодиться. К тому же, разве она сможет натворить бед, попав в дом Чэнь? Госпожа Цзян была в этом уверена.

После долгих переговоров с госпожой Цзян, госпожа Мин согласилась передать часть чертежей семье Чэнь во время помолвки, а остальные — во время свадьбы.

Вернувшись домой, госпожа Мин сразу же сообщила результат госпоже Тун, не обращая внимания на её недоуменный взгляд, и направилась в комнату Чжун Синь.

Кто бы мог подумать, что дело обернётся так. Госпожа Цзян была жадна и не хотела брать невестку из знатного рода, чтобы та не подавляла её, но забыла о беспокойном младшем сыне, на которого вся семья возлагала надежды. Если его разозлить, это кончится только взаимным ущербом.

Имея такие опасения, семья Чэнь не могла позволить себе поступать с Сюцаем Чэнем как вздумается. Как ни странно, слухи о Чжун Синь дошли до Сюцай Чэня, учившегося в академии уездного города. Он тут же взял отпуск и вернулся домой. Расспросив госпожу Цзян и убедившись, что первые слухи в основном верны, он, несмотря на возражения родителей, настоял на разрыве помолвки.

Он не испытывал особой привязанности даже к самым близким родственникам. В крестьянской семье это ещё простительно, но если он войдёт в чиновничье сословие, и Чжун Синь начнёт общаться с жами других чиновников, он боялся: однажды он может сделать что-то не так, как ей хочется, и это может стоить ему жизни. Он не мог жениться на жене, от которой веет холодом.

Госпожа Цзян не смогла переубедить младшего сына. Видя, как крупная сумма ускользает из рук, она испытывала боль, которую невозможно описать словами. Сюцай Чэнь игнорировал её поведение и торопил найти сваху, чтобы отказаться от этого брака.

Госпоже Цзян ничего не оставалось, как подчиниться воле сына.

Когда сваха снова пришла в дом, госпожа Мин с улыбкой вышла ей навстречу, но та даже не села, сразу же изложив суть визита.

Лицо госпожи Мин мгновенно помрачнело, и она без церемоний спросила:

— Сестра Цзян, что происходит в семье Чэнь? Разве помолвка — это игра? Как это может меняться три раза на дню?

— Жена Чжэнжэня, тут не виновата семья Чэнь. Кому понравится, если у вашей старшей дочери дурная слава? Ученые люди особенно ценят это. Госпожа Цзян и рада была бы, да сам Сюцай Чэнь недоволен. — Сваха Цзян, продолжавшая сватать по округе, не хотела ссориться с семьёй Чжун и потому объяснила всё как есть.

Госпожа Мин хотела было возразить, но госпожа Тун резко посмотрела на неё, прерывая её слова. Она лишь рада была, что свадьба не состоится, и винила себя с мужем за неопытность в таких делах. Она всё ещё чувствовала родственные узы и, видя, что денег в доме достаточно, в порыве согласилась на этот не самый удачный план госпожи Мин.

Позднее старики всё больше понимали, что так делать нельзя. Но стрела уже была на тетиве — не выпустить нельзя. Слово не воробей, а глава семьи больше всего боится непостоянства. В таких мелочах лучше не менять решения.

Теперь, когда представился такой случай, госпожа Тун не могла позволить госпоже Мин продолжать выходки. Она вежливо проводила сваху Цзян до двери и вернула все подарки, которые семья Чэнь вручила при обручении.

К счастью, семьи ещё не обменялись свадебными карточками, и дело зашло только на первый этап. Это не считалось разрывом помолвки, так что для будущего Чжун Синь это не стало большой помехой. Больше всего на её судьбу сказались слухи, которые только что удалось подавить.

Видя, что госпожа Мин всё ещё стоит в главной комнате словно вкопанная, госпожа Тун, желая не видеть этого, отправила её прочь.

Госпожа Мин, словно во сне, направилась в свою спальню, и только переступив порог, очнулась. Думая о том, что приходится терпеть старшей дочери, она чувствовала, как сердце кровоточит. Нельзя было медлить. Решившись, она свернула в восточный флигель.

В этот день Чжун Цинжань никуда не выходил, сидя у себя в комнате и занимаясь рисованием. Услышав резкий повышенный голос госпожи Мин, он нахмурился, но, видя, что потом всё стихло, снова погрузился в работу. Кто бы мог подумать, что этот день не подходил для живописи. Вскоре донеслись тихие рыдания, перемежаемые со звуками ветра, лишая его покоя.

Чжун Цинжань уже был отвлечён один раз, так и не успев снова сосредоточиться, а теперь и вовсе потерял интерес. Он отложил кисть, открыл дверь и прислушался: плач доносился из восточного флигеля, но он не мог определить, из какой именно комнаты.

Выяснить это было просто — достаточно спросить госпожу Тун.

— Цинжань, это не твоё дело. Семья Чэнь не согласилась на помолвку твоей старшей сестры,

только что сваха была, чтобы отказать. — Госпожа Тун говорила об этом так легко, словно речь шла о покупке капусты.

Чжун Цинжань всё понял. Это действительно не касалось его, он просто выслушал. Его терпение к старшей сестре имело предел: хорошая она или плохая — это только её дело. Его больше интересовали странные слухи, возникшие ниоткуда. Кто стоял за этим?

История с Чжун Синь не наделала шума. В семье Чжун лишь атмосфера в главной ветви стала мрачной, остальные же семьи не проявляли никаких особенных чувств. Ведь эта свадьба не сулила им выгоды, и отсутствие сочувствия было вполне нормально.

Время не зависит от воли человека, оно летит незаметно, и вот уже наступила пора осеннего урожая.

У семьи Чжун было более тридцати му земли, и после уплаты налогов едва хватало на пропитание. В прошлые годы они продавали большую часть риса и пшеницы, чтобы купить более дешёвые грубые зёрна, так можно было прокормить большую семью.

Хотя деревня Хэвань находилась на севере, в конце августа стояла жара. С того момента, как первая семья взялась за серпы, началась напряжённая страда.

Это было намного труднее, чем рытьё пруда для креветок. У пруда не было строгого срока, можно было отдохнуть, а во время уборки урожая шла борьба с природой: чем раньше соберёшь, тем раньше станет легче. Если погода будет неблагоприятной и в пору уборки пойдут дожди, годовой труд может пойти насмарку. Если не трудиться изо всех сил сейчас, то когда же?

В последнее время погода стояла хорошая, но ни одна семья не осмеливалась расслабляться. Как только пшеница созревала, вся семья трудилась вместе, чтобы как скорее убрать урожай в амбары.

Земли семьи Чжун были разбросаны, время посева тоже разнилось, поэтому начали с самого раннего участка. Вся семья выходила в поле на рассвете, а завтракали прямо там.

Ранее дедушка Чжун отправил человека в город, чтобы предупредить третьего сына, и Чжун Чжэнли вернулся домой прошлой ночью, а Чжун Чжэнсинь, как обычно, не появился.

В последнее время семья Чжун жила в достатке, и госпожа Тун не так уж строго следила за деньгами. Улиток было вдоволь, красные раки попадались почти каждый день, раз в десять дней покупали мясо, да каждая семья добавляла от себя, так что питание было более-менее сносным. Но по сравнению с Чжун Чжэнли, который выглядел белым и слегка полным, они сразу терялись на его фоне.

Ведь как бы хорошо они ни питались, им всё же приходилось каждый день работать под ветром и дождём, а Чжун Чжэнли как повар в ресторане вечно сидел на кухне, где еды было с избытком, и за годы разница стала заметной.

Каждый раз, когда Чжун Чжэнли возвращался домой, больше всех радовались его жена и дети. Чжун Вэнь, которой уже было десять лет, всё ещё вела себя как маленький ребёнок, повисая на отце. Семья Чжун видела это множество раз, сперва делали замечания, что это неприлично, Чжун Вэнь каждый раз обещала исправиться, но в следующий раз продолжала по-своему.

Видя это, госпожа Тун перестала вмешиваться. Всё-таки они крестьяне, строгих правил не так

много. Если её родители довольны, она не станет поднимать этот пустяк.

Чжун Вэнь, уткнувшись в грудь отца, смеялась от души. Только в такие моменты она была по-настоящему счастлива. Обычно же, хотя на её лице и играла улыбка, она казалась не совсем искренней, словно сквозь тонкую вуаль, которую невозможно пронзить взглядом.

<http://bllate.org/book/16837/1548077>